**Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.** DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-456-459
**Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.**

***ХАМЕТОВА Алиса Расимовна,***
*старший преподаватель кафедры уголовного процесса, подполковник полиции, ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», e-mail: alisa.hametova@yandex.ru*

# *ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОНТРОЛЯ И ЗАПИСИ ПЕРЕГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ*

***Аннотация.*** *В статье рассматриваются актуальные проблемы нормативно-правового регулирования следственного действия – контроля и записи переговоров в условиях стремительной цифровизации общества и распространения новых форм коммуникации. Автор анализирует коллизию между широким толкованием понятия «иных переговоров» и узкой процессуальной формой фиксации этих переговоров. В целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства предлагается расширить перечень следственных действий направленных на контроль и фиксацию информации информационно-телекоммуникационного обмена в любой форме.*

***Ключевые слова:*** *контроль, запись телефонных переговоров, следственные действия, доказательства, оперативно-розыскная деятельность, цифровая коммуникация.*

***KHAMETOVA Alisa Rasimovna,***
*PhD, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Lieutenant Colonel of Police*

# *PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CONTROL AND RECORDING OF NEGOTIATIONS IN DIGITAL COMMUNICATION*

***Annotation.*** *The article discusses the current problems of legal regulation of investigative actions, such as monitoring and recording of negotiations, in the context of rapid digitalization of society and the spread of new forms of communication. The author analyzes the conflict between the broad interpretation of the concept of "other negotiations" and the narrow procedural form of recording these negotiations. In order to improve the criminal procedure legislation, it is proposed to expand the list of investigative actions aimed at monitoring and recording information in any form of information and telecommunication exchange.*

***Key words:*** *monitoring, recording of telephone conversations, investigative actions, evidence, operational search activities, and digital communication.*

С развитием информационных технологий и цифровизации общества произошла существенная трансформация законодательства в области уголовного судопроизводства, связанного с необходимостью противостоять новым формам и способам совершения преступлений, получения, фиксации и изъятия следов, которые в последующем используются в качестве доказательств. На сегодняшний день, большинство преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, мошенничеств, совершаются в удаленном формате, с использованием мессенжеров как средств связи. Кроме мессенжеров, также используются и различные сервисы, приложения, предназначенные для организации доставки, передвижения на такси, платформы поиска и бронирования отелей, которые имеют функцию коммуникации в разделе сообщений и обращений, установлены и случаи использования аккаунтов игровых площадок для коммуникации, при осуществлении противоправной деятельности [5, ч. 126]. Своевременный мониторинг указанной информа-

ции может не только способствовать получению доказательств, но и предотвратить преступные действия в отношении участников уголовного судопроизводства, служить основанием для своевременного применения мер безопасности.

При этом, нормативно-правовая регламентация работы с информацией, содержащейся в указанных источниках обладает явной недостаточностью и требует адаптации к современным условиям цифрового [6, с. 62] информационного обмена. Некоторые исследователи указывают, что существует неопределенность в вопросе о том, относится ли обмен сообщениями в мессенджерах к категории «переговоров» в контексте ст. 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Буквальное толкование данной нормы предполагает контроль и запись устной речи, в то время как коммуникация в мессенджерах преимущественно осуществляется в текстовой форме [3, С. 40-44]. Предположение весьма разумно, так как в 2001 году, когда был принят УПК РФ и соответственно введена данная норма, приложения, позволяющие обмениваться сообщениями как письменными, так и голосовыми не существовали. Анализируя п. 1 ст. 186 УПК РФ, обращаем внимание, что допускается осуществление контроля и записи не только телефонных переговоров, а также иных форм коммуникаций, и уже сама формулировка нормы задает достаточно широкий охват, хотя это не всегда прямо считывается при первом обращении к тексту. Термин «иные переговоры» подлежит расширительному толкованию и включает не только голосовую информацию, передаваемую по телефонной связи, но и сведения, передаваемые с использованием иных средств электросвязи, однако границы такого толкования в правоприменительной практике остаются не до конца определенными.

Нормативное содержание категории «электросвязь» раскрывается в п. 35 ст. 2 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (далее – ФЗ «О связи»), где под ней понимается передача и или прием знаков, сигналов, голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков либо иных сообщений с использованием электромагнитных систем. Это определение носит заведомо широкий, универсальный характер, охватывая различные способы передачи информации без жесткой привязки к конкретным технологиям.

Указанный подход в определенной степени соотносится с положениями п. 14.1 ст. 5 УПК РФ, закрепляющими допустимость осуществления контроля и записи переговоров при использовании различных средств коммуникации, и в этом просматривается стремление законодателя сохранить технологическую нейтральность регулирования, хотя на практике такая нейтральность иногда оборачивается неопределенностью.

Однако, п.п. 6, 7, 8 ст. 186 УПК РФ, ограничивают правоприменителей, указывая на фонограмму, предоставляемую по результатам контроля и записи, которая в дальнейшем приобщается к уголовному делу в качестве доказательства. Такое правоопределение подталкивает к выводу, что это следственное действие фактически ориентировано на фиксацию аудио информации, то есть звуковых разговоров между лицами, которые могут быть зафиксированы на фонограмму, без каких-то дополнительных вариантов. Если в телефонной связи информация в любом случае сводится к звуку, то через интернет она передается иначе, иногда одновременно в нескольких форматах, и это уже не укладывается в привычную схему. Это может быть аудио, видео, изображения, текстовые сообщения, или вообще смешанный поток данных, который сложно свести к одному типу. Например, IP-телефония передает не только звук, но и видео, текст, изображения и другие данные. С одной стороны, сама структура ст. 186 УПК РФ по своему содержанию как будто допускает применение этого следственного действия к разным видам коммуникаций через сети электросвязи, но с другой стороны, она же ограничивает результат только звуковой информацией, то есть фонограммой, и это уже выглядит как явное сужение возможностей. В поисках решения указанной дефиниции мнения исследователей расходятся. В.Ю. Стельмах справедливо отмечает, что «формулировка закона отражала состояние средств связи на момент его принятия, когда практически единственным каналом, пригодным для контроля переговоров, был телефон. Кроме того, в начале XXI века технологии передачи голосовых и не голосовых сообщений были совершенно различными и не сочетались в одном устройстве» [2, с. 156]. В его работах можно встретить весьма логичное предположение о фактическом переносе оперативно-розыскного мероприятия под названием «прослушивание телефонных переговоров» в уголовно-процессуальное законодательство в качестве следственного действия. Аналогичное сходство отмечает и В.И. Шаров предполагая их тождественность: «в конечном счете, система деятельности одна и та же вплоть до исполнителя» [4, С. 179-181]. С.П. Петров, А.В. Бобарт, рассуждая о схожести контроля и записи телефонных переговоров и прослушивания телефонных переговоров указывают, что нельзя отождествлять понятие следственное действие и понятие оперативно-розыскное мероприятие, подчеркивая негласный характер осуществления последней категории [1, С. 48-54]. Проведенный анализ позволяет констатировать наличие институционального диссонанса, между объектно-ори-

ентированной конструкцией уголовно-процессуальной нормы и средо-ориентированной природой современных цифровых коммуникаций. Если законодатель в 2001 году конструировал норму исходя из канало-центричной модели связи, предполагающей жесткую привязку к абонентскому номеру и голосовому трафику, то в парадигме пакетной передачи данных (IP-телефония, мессенжеры со сквозным шифрованием) идентификатором коммуникации выступает не единый номер, а множество токенов: Device ID, IP-адрес, учетная запись, сессионный ключ.

Следовательно, буквальное толкование ст. 186 УПК РФ вступает в коллизию с принципом технологической нейтральности, заявленным в ст. 2 ФЗ «О связи». Мы предлагаем рассматривать указанную коллизию не как частный пробел, а как проявление «эффекта нормативного запаздывания», который в цифровой среде имеет экспоненциальную природу: темпы обновления протоколов связи опережают законотворческий цикл в 5-7 раз. Выход видится не в экстенсивном расширении перечня объектов контроля, а в переходе к функциональному критерию: значимым для следствия является не среда передачи (голос, текст, видео), а коммуникативный акт между идентифицированными лицами, независимо от формы сигнала.

В ходе анализа правоприменительной практики, нами проведено анкетирование следователей органов внутренних дел, по результатам которого 90 % респондентов никогда не проводили следственное действие «контроль и запись телефонных переговоров», а при необходимости получения информации, содержащейся в переговорах - «подменяли» его отдельным поручением органу дознания об осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. По результатам исполнения поручения, орган дознания предоставлял полученную информацию как результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Лишь 10 % производили контроль и запись телефонных переговоров в качестве следственного действия по тяжким преступлениям, при этом, кратность производства сводится к единичным случаям. В данном контексте отметим, что процессуальный порядок получения и приобщения результатов ОРД более объёмный, несет значительные временные затраты, так как сама деятельность является негласной и кроме получения решения суда, требуется рассекречивание предоставляемых материалов.

Контроль и запись телефонных переговоров, в свою очередь, предусматривает возможность получения фонограммы без процедуры «рассекречивания», что существенно экономит сроки производства расследования, но не предусматривает получения в ходе этого следственного действия других результатов коммуникаций. В связи с чем, в практической деятельности де-факто не применяется, подменяясь оперативно-розыскными мероприятиями, при этом их цели и порядок производства существенно различаются.

Полученные в ходе анкетирования данные, требуют не просто констатации, но социолого-правовой интерпретации. Столь высокая доля «отказов» от производства этого следственного действия в пользу ОРД свидетельствует не только о процессуальных сложностях, но и о сформировавшемся у правоприменителя когнитивном стереотипе: контроль и запись переговоров воспринимается как рискоемкая, процессуально-обремененная процедура, сопряженная с повышенным стандартом судебного санкционирования (ст. 165 УПК РФ) и не гарантирующая получения доказательства, отвечающего критериям относимости и допустимости. Примечательно, что 10% следователей, применявших норму, делали это исключительно по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Это коррелирует с позицией Верховного Суда РФ, который в ряде определений указывал на необходимость соблюдения баланса между тайной связи (ст. 23 Конституции РФ) и публичными интересами правосудия, однако единообразной практики не выработано. Мы отмечаем двойственность процессуального выбора: либо следователь идет по пути наименьшего сопротивления: ОРД с последующим рассекречиванием, что затягивает расследование на 10-14 суток, либо рискованно пытается применить ст. 186 УПК РФ, сталкиваясь с невозможностью процессуальной фиксации текстового чата или пересылаемых файлов.

Так, существующие процессуальные механизмы не обеспечивают в полной мере потребности правоохранительных органов [7, с. 69] в получении доказательственной информации путем производства контроля и записи телефонных переговоров. В связи с этим, на первый взгляд видится целесообразным предложить изменения, которые бы послужили толчком возрождения этого следственного действия: дополнить п.п. 6, 7, 8 ст. 186 УПК РФ возможностью фиксировать письменную речь [8, с. 83] в стенограмме как альтернативного результата производства этого следственного действия, в зависимости от вида прослушиваемых переговоров. Такое дополнение видится рациональным по цели, при этом недостаточным по юридико-техническому исполнению. С технической точки зрения, стенограмма это текстовый протокол, который не является простым видом фонограммы – это производный вторичный документ, который в доказывании по ст. 74 УПК РФ скорее будет относится к «иным документам», а не к «вещественным доказательствам» или «протоколам следственных действий». Следова-

тельно, простое дополнение одной фразой, без изменения статуса этого носителя информации, породит ряд вопросов: каковы требования к заверению стенограммы, кто проводит лингвистическую идентификацию участников чата, и главное – как быть с удаленными сообщениями. Более системным, видится дополнение гл. 25 УПК РФ новым самостоятельным следственным действием – «Контроль и фиксация цифровой коммуникации», объектом которого станет не звук, а информационно-телекоммуникационный обмен в любой форме. Результатом фиксации будет выступать цифровой носитель с обеспечением его криптографической верификации. Новое следственное действие на наш взгляд, существенно расширит возможности правоприменителей в условиях нынешнего техногенного прогресса.

**Список литературы:**


[1] Петров С.П., Борбат А.В. О необходимости расширения пределов прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Российский следователь. 2025. № 11. С. 48 - 54.

[2] Стельмах В.Ю., Васюков В.Ф., Ефремова О.М. Производство следственных действий, направленных на получение и использование компьютерной информации: монография. – М.: Норма, 2020. – С. 156.

[3] Черявко Е.Д., Майборода Э.Т. Процессуальные аспекты использования информации из мессенджеров и социальных сетей при расследовании создания диверсионных сообществ // Российский следователь. 2026. № 2. С. 40 - 44.

[4] Шаров В.И. Контроль и запись переговоров как следственное действие и как оперативно-разыскное мероприятие // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 179 - 181.

[5] Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1 : Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 218 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

[6] Шевелева, С. С. Сбалансированная цмфровизацил уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков / С. С. Шевелева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[7] Хасанова, З. И. Особенности процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве / З. И. Хасанова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXEA.

[8] Мирхайдарова, М. Ю. Некоторые вопросы рабочего этапа предъявления лица для опознания по голосовым и речевым свойствам опознаваемого лица / М. Ю. Мирхайдарова // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 82-88. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.012. – EDN MIGCFP.


**References:**


[1] Petrov S.P., Borbat A.V. On the need to expand the limits of prosecutorial supervision of operational-search activities // Russian investigator. 2025. № 11. S. 48 - 54.

[2] Stelmakh V.Yu., Vasyukov V.F., Efremova O.M. The production of investigative actions aimed at obtaining and using computer information: monograph. - M.: Norma, 2020. - S. 156.

[3] Cheryavko E.D., Mayboroda E.T. Procedural aspects of the use of information from instant messengers and social networks in the investigation of the creation of sabotage communities // Russian investigator. 2026. № 2. S. 40-44.

[4] Sharov V.I. Control and recording of negotiations as an investigative action and as an operational-search event // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (47). S. 179-181.

[5] Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook/I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. - 3rd ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 218 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

[6] Sheveleva, S. S. Balanced CMF of criminal proceedings: criteria for admissibility and minimization of latent risks / S. S. Sheveleva // Law and statehood. – 2025. – № 4(9). - S. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[7] Khasanova, Z. I. Features of the procedural status of a suspect in criminal proceedings / Z. I. Khasanova // Law and statehood. – 2025. – № 3(8). - S. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXEA.

[8] Mirkhaidarova, M. Yu. Some issues of the working stage of presenting a person for identification by the voice and speech properties of the identified person / M. Yu. Mirkhaidarov // Law and statehood. – 2026. – № 1(10). - S. 82-88. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.012. – EDN MIGCFP.